

А.В. Юшкевич

**Летописный рассказ событий
Киевской, Волынской и
Галицкой Руси от ее начала
до половины XIV века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.В. Юшкевич**
Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века / А.В. Юшкевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 626 с.

ISBN 978-5-518-05608-4

ISBN 978-5-518-05608-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

читается легко и приятно; но Волынская лѣтопись уже носить на себѣ характеръ испорченности; еслибы не для полноты изложенія событій Юго-Западной Руси, то ее не стоило бы и передавать здѣсь; напыщенностью выражений, бессмысленностью изложенія она приводитъ въ отчаяніе читающаго, и не разъ готовъ былъ я ее бросить. Волынская лѣтопись, это—какой-то межеумокъ; она уже утратила характеръ лѣтописи, но не достигла еще правильнаго историческаго изложенія. Хотя какой-то досужій переписчикъ и расположилъ событія по годамъ, но это вовсе не идетъ, потому что составитель лѣтописи постоянно на много лѣтъ то уходитъ впередъ, то возвращается назадъ. Притомъ Волынская лѣтопись отличается хвастливостью и напыщенностью изложенія, смахивающею на польскія лѣтописи. Знаніе Гомера (или Омира, какъ онъ его называетъ) нисколько не помогло составителю Волынской лѣтописи, и она есть уже искаженіе нашихъ лѣтописей, послѣднее ея явленіе въ краю, задавленномъ чуждыми ему религіею и народностью. Я счелъ кстати напечатать здѣсь два мои историческія изслѣдованія, появившіяся въ свѣтъ въ *Чтеніяхъ* Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ въ 1848 году, такъ какъ этотъ годъ изданій общества сдѣлался библиографическою рѣдкостью. Изслѣдованія эти носятъ названіе первое: «о значеніи русской лѣтописи въ духовномъ развитіи Русскаго народа» и второе: «о феодализмѣ на Руси». Поручая ихъ, какъ относящіяся до предмета, вниманію читателя, считаю излишнимъ замѣтить, что оба они писаны мною на двадцатомъ году жизни; что съ того времени опытъ дѣйствительности во многомъ измѣнилъ мой взглядъ на предметы и уже не съ такою восторженностью смотрю я на народность и на народъ вообще. Люди порядка, стоящіе за сохраненіе общества и государства, должны быть также солидарны между собою, несмотря на народности, въ которымъ принадлежатъ, какъ и члены пагубной международ-

ной ассоціаціи, врага всякаго порядка, религіи и просвѣщенія. Поэтому, я признаюсь, гораздо болѣе лежу сердцемъ къ здоровыслящему Нѣмцу, чуждому несбыточныхъ и пагубныхъ теорій, чѣмъ коммунисту, хотя бы и русскому, топоромъ грозящему всему, что есть развитаго, образованнаго. Въ виду опасностей, грозящихъ въ корнѣ существованію общественнаго порядка, вопросъ національности отходить на второй планъ и дѣло людей порядка у всѣхъ народовъ должно быть общее для защиты себя и цивилизаціи отъ петролеума и топоровъ. — Впрочемъ любопытно было мнѣ и самому черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ прочесть эти строки, поляя такой горячей любви ко всему народному, ко всему славянскому, хотя опытъ жизни учить, что легко можно Славянину у Славянина бѣдствовать, а Славянину у Нѣмца благоденствовать, и наоборотъ. Но это завело бы насъ далеко и потому остановимся на этомъ.

Въ 1849 году издано мною еще изслѣдованіе отдѣльною книгою, подъ названіемъ: «Исторія Югозападной Руси, отъ ея начала до половины XIV вѣка». Оно было написано какъ разсужденіе на степень магистра русской исторіи, но взято мною обратно вслѣдствіе неприятности, въ которой и я не совсѣмъ былъ правъ, съ покойнымъ профессоромъ С. П. Шевыревымъ, въ то время деканомъ историко-филогическаго факультета. Хотя это изслѣдованіе и прошло кажется совершенно незамѣченнымъ въ нашемъ ученомъ мірѣ, но напечатанное въ количествѣ только 600 экземпляровъ, оно въ настоящее время въ продажѣ почти не находится. Перепечатывать означенное изслѣдованіе не нахожу оснований, но считаю не лишнимъ выписать только нѣкоторые главные тезисы или выводы этой неудавшейся диссертациіи и представляю ихъ на судъ безпристрастнаго читателя: 1) *Русь* первоначально была воинскою дружиною, составленною изъ различныхъ народностей, но съ преобладаніемъ Славянской. 2) Держава, основанная Рюрикомъ, Олегомъ и Игоремъ, не

была государствомъ въ собственномъ смыслѣ, а соединеніемъ племенъ, изъ коихъ каждое удержало нѣкоторую степень самобытности. 3) Принятіе православной вѣры отъ Грековъ дало нравственную физіономію, духовное единство собранію разнородныхъ племенъ, Славянскихъ и другихъ, покоренныхъ Русью. 4) Впрочемъ народности и по принятіи христіанства сохранили стремленіе къ разобщенію и самостоятельности. 5) Первоначальное дѣленіе Руси на княжества соотвѣтствовало главнымъ племенамъ, вошедшимъ въ составъ, такъ что каждое изъ нихъ и хотѣло и должно было имѣть особаго князя. 6) Главнымъ отличительнымъ правомъ князя великаго или старѣйшины княжескаго рода было: *надѣлать волостями младшихъ князей, его родичей*. 7) Стремленіе младшихъ князей въ ихъ борьбѣ со старѣйшиною рода состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы отданное имъ во временное владѣніе (волости) обратить въ потомственное въ своемъ родѣ (вотчины). 8) Когда младшимъ князьямъ удалось обратить ихъ волости въ вотчины, то вся Юго-западная Русь распалась на множество мелкихъ владѣній, которыя съ каждымъ поколѣніемъ дробились все болѣе и болѣе. Тотъ князь сдѣлался сильнѣе другихъ, у кого вотчина была обширнѣе и богаче, а именно Галицкій. 9) Съ раздѣленіемъ Руси, составлявшей прежде общее, нераздѣльное достояніе всего княжескаго рода, на множество наследственныхъ участковъ или вотчинъ, начались между князьями безконечныя распри и войны о томъ, какъ бы свои частныя владѣнія увеличить на счетъ другихъ. 10) Великій князь Киевскій утратилъ свое значеніе старѣйшины рода съ ослабленіемъ родственныхъ воспоминаній во множествѣ возникшихъ отраслей и съ раздачею всего, что имѣлъ, въ собственность младшимъ князьямъ. 11) Младшіе князья, обративъ свои временныя волости въ вотчины и опасаясь за ихъ сохраненіе, стали сажать на престолъ Киевскій одного изъ среды себя, обязавъ его не только не отнимать у нихъ даннаго

или захваченнаго имъ прежде, но и роздать остатки общаго родоваго наслѣдія. 14) Югозападная Русь утратила силу, а вслѣдъ за тѣмъ и самостоятельность, когда начало подчиненіе всѣхъ князей одному, старшему въ родѣ, потеряло силу, а другое, высшее, начало законности, юридическихъ отношеній и государственной жизни не развилось. Вся Югозападная Русь, находясь въ переходномъ положеніи отъ семейно-родоваго къ государственному, распалась на множество независимыхъ одно отъ другаго владѣній, истощившихъ послѣднія свои силы въ борьбѣ междуусобной и сдѣлавшихся вслѣдствіе этого легкою добычею сначала Татаръ, потомъ Литвы и Польши.

Замѣчателенъ фактъ, относящійся до исторіи Галицкаго княженія въ особенности: это усиленіе *боярства* на счетъ княжеской власти. Къ сожалѣнію, въ лѣтописяхъ очень мало свѣдѣній о томъ, какъ развилось и усилилось боярство; но вѣрно то, что усиленіе или преобладаніе этого сословія возникло по примѣру сосѣдственной Польши, и оно-то облегчило скорое и незамѣтное сліяніе этого края съ Польскимъ королевствомъ.

Сколько мнѣ извѣстно, у насъ до сихъ поръ изслѣдователи нашей исторіи очень мало обращали вниманія на важный элементъ жизни Югозападнаго края, а именно на такъ-называемыхъ *Черныхъ Клобуковъ*. Вѣрно то, что въ нихъ преобладалъ элементъ не Славянскій, а они усилились до того, что располагали Кіевскимъ престоломъ и по волѣ своей сожали на него князей. Не въ Черныхъ ли Клобукахъ надобно искать начала *казаковъ*, которымъ суждено было явиться представителями демократическаго элемента въ коренной аристократической славянской державѣ-Польшѣ. Вообще *казачество*—элементъ вовсе не славянскій, а пришлый, восточный.

О значеніи Русской Лѣтописи въ духовномъ развитіи Русскаго народа.

Есть нѣсколько видовъ критики литературныхъ произведеній, весьма различныхъ между собою и дающихъ очень несходное понятіе о самыхъ произведеніяхъ. Литературныя произведенія разсматриваются или сообразно съ законами того частнаго рода, къ которому они принадлежатъ, или сообразно съ своимъ внутреннимъ значеніемъ. Критика есть высокое искусство, и тотъ, кто въ состояніи оцѣнить произведеніе великаго ума и понять вполнѣ его достоинство, заслуживаетъ почти стать наравнѣ съ творцемъ этого произведенія. Критика, какъ искусство чувствовать живыя красоты произведеній ума человѣческаго, есть искусство творческое: для него потребно много свѣдѣній, много ума практическаго и много чувствительности. Чья душа мягче, воспримчивѣе и чувствительнѣе къ изящному, та уже носитъ въ себѣ зародышъ творчества; а творчество такъ рѣдко въ наше время, когда и самый идеаль изящнаго готовы сдѣлать копіею міра дѣйствительнаго. Да! Въ нашъ вѣкъ уже нѣкоторые умы упиваются надеждою возможности примиренія двухъ несомвѣстимыхъ началъ, души и тѣла, внутренняго и внѣшняго развитія, думаютъ составить идеаль душевнотѣлесный, идеаль, гдѣ душа и тѣло равно видѣли бы высшее совершенство, какое только доступно на землѣ. Пустая и обманчивая надежда! Духъ и матерія вѣчно борятся и будутъ бороться на землѣ: ущербъ одного есть торжество другой, и надобно опасаться (что уже отчасти и случается дѣйствительно), чтобы, льстя себя обманчивой надеждою, что мы такъ, мимоходомъ, рѣшили великій вопросъ, надъ которымъ трудились тысячелѣтія, что мы равно воспитываемъ

и духъ и вещество, не впасть непримѣтно въ состояніе, въ которомъ вещество будетъ преобладать надъ духомъ и приметъ самое крайнее, гибельное для человѣчества и народа развитіе. Духовное прекрасное всегда и вездѣ прекрасно, и оно не подлежитъ условіямъ времени и мѣстности: оно вѣчно, какъ духъ, его произведшій. Прекрасное вещественное условно и зависитъ отъ вкуса каждаго, и единственное мѣрило здѣсь есть сужденіе большинства. Обогащеніе *дѣйствительности*, будто бы представляющее желаемое соединеніе духовнаго и вещественнаго, и возвышеніе вѣрной копии дѣйствительнаго до высшаго идеала изящнаго, есть одно изъ самыхъ вредныхъ заблужденій человѣчества, могущихъ имѣть самыя опасныя вліянія на его развитіе. Дѣйствительность всегда представляла борьбу духовнаго съ вещественнымъ, и измѣненіе то того, то другаго составляло главный интересъ ея. Дѣйствительность не всегда одно и то же, но она развивается съ развитіемъ человѣчества, и опытъ чисто умственной дѣятельности служитъ къ украшенію и облагороженію дѣйствительности. Но если дѣйствительность не облагорожена духовнымъ вліаніемъ, то она становится вовсе ничтожною; такова дѣйствительность существъ неразумныхъ, которая по стольку изящна, по скольку возвышенны и превосходны законы высшаго разума, въ ней проявившіеся; сама же по себѣ эта дѣйствительность изящною никогда быть не можетъ: она безпрестанно измѣняется, не постоитъ ни на минуту, а потому и самое изящное, если бы оно въ ней заключалось, было бы подвержено непрерывнымъ измѣненіямъ. Гдѣ же неистощимый источникъ всего изящнаго? Безспорно, въ самомъ духѣ, который есть совершеннѣйшій предметъ, существующій на землѣ. Если принять за постоянный идеалъ дѣйствительность въ самой лучшей ея порѣ, когда она наиболѣе насыщена идеями, этими вѣчными созданіями безконечнаго духа, оживляющими всякую внѣшнюю форму, то съ теченіемъ времени, съ развитіемъ идей, дѣйстви-

тельность останется позади нихъ, и, вмѣсто живой и прекрасной формы, станетъ сухимъ остовомъ. Такъ идеаломъ красоты человѣческой нельзя избрать ни одно изъ дѣйствительно существующихъ лицъ, потому что какъ бы оно ни было превосходно, но оно подвержено измѣненіямъ и съ годами приметъ совершенно иной видъ. Слѣдовательно, идеала прекраснаго надобно искать въ духѣ, нестарѣющемъ и неизмѣнномъ. Нашъ вѣкъ—и въ лучшихъ дѣятеляхъ своихъ—жестоко ошибается, стараясь уравновѣсить вещественное съ духовнымъ, какъ бы опасаясь излишняго развитія этого послѣдняго. Странное и тщетное опасеніе! Если въ здѣшнемъ мѣрѣ чисто матеріальныя богатства никогда не могутъ быть излишними, какъ бы они велики ни были, то можемъ ли мы думать, чтобы избытокъ духовнаго развитія могъ быть намъ когда-нибудь въ тягость? Современный образованный человѣкъ, старающійся соединить несоединимое, духовное, совершенство съ совершенствомъ вещественнымъ, забылъ изреченіе Спасителя, что невозможно служить вмѣстѣ Богу и мамонѣ (богатству), что невозможно съ равнымъ усердіемъ служить двумъ господамъ, потому что, угождая одному, легко пренебречь другимъ. Современное человѣчество мыслило соединить развитіе вещества и духа, но не повредило ли оно послѣднему, не парализовало ли оно инныя жизненныя его силы? Къ несчастію, опытъ дѣйствительности учитъ насъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно.

Духъ не можетъ оставаться въ бездѣйствіи: онъ созерцаетъ самъ себя, и отъ этого созерцанія происходятъ идеи, какъ непосредственныя созданія творческаго духа. Духъ у всѣхъ разумныхъ существъ, безъ различія ихъ степеней, состоитъ изъ одной и той же сущности, но онъ видоизмѣняется чрезвычайно по степени разумнаго сознанія. «Богъ есть Духъ» сказалъ Спаситель; Онъ есть Духъ, имѣющій полное и совершеннѣйшее сознаніе Своей природы, и потому Верховное начало всего духовнаго и вещественнаго. Блѣдиѣ

и блѣднѣе становится сознание на низшей степени существъ духовныхъ: существа разумныя безтѣлесныя имѣютъ постоянно сознание своего бытія, но не бытія всего сущаго, которое принадлежитъ одной Божественной природѣ. Сознание человѣческаго духа весьма различно; но главный признакъ его слабости въ земномъ его пребываніи есть тотъ, что онъ не всегда и непостоянно сознаетъ себя. Главная причина, конечно, та, что онъ поставленъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ веществу, съ которымъ онъ долженъ постоянно бороться: чѣмъ упорнѣе духъ силится покорить себѣ внѣшнюю природу, особенно свои собственные вещественныя стремленія, тѣмъ сильнѣе сознаетъ онъ свою духовную природу. Есть люди (и таково-то значительное большинство), которые прожили весь свой вѣкъ безъ внутренняго сознанія, духъ которыхъ довольствовался тѣмъ, что оживлялъ ихъ внѣшними силами. Но за то есть и избранники Неба, особенно одаренные великимъ гениемъ люди, духъ которыхъ доходитъ до высшей степени сознанія. Эта высшая степень сознанія, какая только доступна на землѣ духу, есть вдохновеніе, состояніе, въ которомъ онъ сознаетъ не только себя и все свое духовное величіе, но и приподымаетъ завѣсу инаго міра, отчизны духа, гдѣ все ему родное. Въ такихъ-то людяхъ, если только ихъ можно назвать людьми, узнается особенно и величіе духовной природы человѣка и несовмѣстимость ея съ вещественною. Доколѣ не сознаютъ себя, они смѣшаны съ толпою другихъ людей и повидимому ничѣмъ отъ нихъ не отличаются; но приходитъ минута сознанія или вдохновеніе, и тогда-то вполне высказывается и обнаруживается неистощимая полнота духа; пройдетъ она—и человѣкъ становится тѣмъ же слабымъ существомъ, какъ и всякой другой. Есть немногіе люди, величайшіе гени, жизнь которыхъ — непрерывное сознание, которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаруживаютъ высшія потребности; они непосредственно посланы Провидѣніемъ, чтобы просвѣтить человѣчество и

открыть ему великія и полезныя для него истины *). Однако, духовная природа въ сущности своей всегда одинакова, и степень сознанія можетъ быть всегда усвоена духомъ, если только онъ напрягнетъ всѣ свои силы. Потому духовная природа нисколько не возвышеннѣе у такого-то образованнаго человѣка, чѣмъ у такого-то крестьянина; но различная степень ея условлена созваніемъ, вызваннѣмъ образованіемъ; такъ что очень можетъ быть, что крестьянинъ, перенесенный въ сословіе образованное и воспитанный духовнымъ образомъ, получилъ бы высокую степень духовнаго сознанія; но, по недостатку образованія, въ обыкновенномъ положеніи крестьянина, сознаніе его духа не всегда можетъ пробиться наружу. Впрочемъ, было множество примѣровъ, что люди самые простые и лишенные, по видимому, средствъ пріобрѣсть образованіе, однимъ размышленіемъ и наблюденіемъ за всѣми движеніями своего духа доходили до высокой степени духовнаго сознанія. Вещество же тѣмъ существенно отличается отъ духа, что себя сознавать не можетъ, но между тѣмъ и другимъ непримѣтнаго будто бы перехода, который пригрезился нѣкоторымъ мечтателямъ, вовсе нѣтъ и быть не можетъ. Съ каждымъ духомъ неразлучно творчество, но оно видоизмѣняется по степени духовнаго сознанія: неограниченное творчество свойственно только тому, кто пользуется совершеннѣйшимъ сознаніемъ своего собственнаго существа. Степени дальнѣйшаго творчества соразмѣрны съ степенью духовнаго сознанія, и, чѣмъ кто лучше сознаетъ свою духовную природу, тѣмъ тотъ способнѣе къ творчеству.

Да и что такое самое творчество? Творить не существующаго человѣка невозможно; для него творить есть вспоминать или вызывать изъ сокровищницы духа его произведенія, идеи. Духъ, въ естественномъ своемъ положеніи, не свя-

---

*) Такими были всѣ великія историческія лица; и они ошибались, какъ люди, но вмѣстѣ были творцами новаго порядка вещей.

занный ни какими ви́шними отношеніями, никогда не остается празденъ: онъ живетъ, и эта жизнь сказывается въ его произведеніяхъ или идеяхъ. Духовное всемогущество Господне таково, что каждая Его идея немедленно принимаетъ форму дѣйствительно существующаго; такимъ образомъ, каждая Божія идея етъ уже вѣчно существующій образъ и даже предметъ (субъектъ). Въ процессѣ Божественнаго творчества мысль есть уже дѣйствіе. Существа чисто духовныя, въ которыхъ духъ не поставленъ въ зависимости ни отъ какой ему враждебной силы, хотя и въ меньшей степені, однако также вмѣстѣ мыслятъ и дѣйствуютъ, такъ что для нихъ самое дѣйствіе состоитъ въ мысли. Возможность существа чисто духовнаго обясняется возможностью существа чисто мыслящаго. Духъ человѣческій, по существу своему раздѣляющій всѣ главныя свойства духа вообще, долженъ соразмѣрять свою внутреннюю жизнь съ условіями ви́шняго міра, въ которомъ онъ заключенъ. Ничто не доказываетъ лучше безконечности стремленій духа и искусственной слабости, въ которую онъ поставленъ ви́шними условіями, какъ собственный опытъ каждаго, пришедшаго въ сознаніе человѣка, а не такого, который живетъ безъ внутреннихъ потребностей. Какъ могучъ человѣкъ мыслью! Для нея не существуетъ ни условій времени и мѣста, никакихъ внутреннихъ и ви́шнихъ препятствій: она—полная властительница міра и всего окружающаго, что, по видимому, ожидаетъ только ея повелѣній. Но для человѣка мысль не есть еще дѣйствіе, и, чтобы осуществить малѣйшую изъ его идей, тѣснящихся въ умъ его, сколько усилій и напряженія необходимо, и годы, десятки лѣтъ протекутъ, прежде нежели мысль, мгновенно зародившаяся въ головѣ, получитъ хотя самое неполное проявленіе! Кто изъ людей мыслящихъ не испытывалъ того душевнаго состоянія, когда какая нибудь важная мысль занимаетъ все существо наше: тогда для насъ нечувствительно время, мѣсто и самое общество